

УДК 811. 512

ТРУДНОСТИ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В СИНТАКСИСЕ В СВЯЗИ С ИМЕНТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ

Сардар Зейнал

*Азербайджанский институт учителей, Баку, Азербайджан
E-mail: serdarzeynal@gmail.com*

В связи с тем, что все разделы языковедения связаны друг с другом, ошибочность, допущенная в одном из разделов, способствует возникновению трудностей в других разделах.

В результате того, что по сегодняшний день не уточнены границы участия именительного падежа в функциях различных членов предложения, сегодня, несмотря на наличие дополнений, выраженных в именительном падеже, всеми языковедами эти примеры принимаются как подлежащие. В связи с этим мы все еще затрудняемся в предотвращении путаницы, возникающей в нашем языке.

Ключевые слова: именительный падеж, дополнение, подлежащее, страдательный залог, объект, субъект, винительный неопределенный падеж, сказуемое.

Постановка проблемы. В учебниках и научных произведениях, написанных в связи грамматикой азербайджанского языка, есть такие понятия, которые нуждаются в усовершенствовании и уточнении. Если обратить внимание, то выяснится, что при высказывании мнения относительно понятий языковедения, фактам языка уделяется недостаточно внимания, в результате чего мнения, высказанные 80-90 лет назад, ошибочно интерпретируются на протяжении десятилетий. Мы затрудняемся при высказывании новой мысли относительно понятий языковедения. Это может происходить по двум причинам. Во-первых, потому, что мы относимся к высказываниям выдающихся представителей азербайджанского языковедения как к догме, а во-вторых, воздерживаемся от ответственности за высказанную мысль или выраженное отношение.

При анализе научных высказываний, произнесенных 80-90 лет в связи с сегодняшними фактами языка, становится очевидным, что есть такие понятия, высказывания о которых точно не отражают особенности исследуемого объекта. В отношениях имеются серьезные ошибки. Хотя некоторые из этих отношений связаны с новыми фактами языка, возникшими в связи с его развитием, другие возникли в результате ошибочного подхода наших языковедов к фактам языка.

Один из таких подходов связан с мыслью, высказанной в связи с глаголами, называемыми страдательный залог. Например, в учебнике Г. Рашада Мирзазаде «Рахбари сарф» (1918) в связи с этим понятием написано: «Бумага порвалась – здесь исполнитель (субъект, осуществляющий действие – С. З.) не известен. Так как не известно, кем порвана бумага» [1, 41].

В учебнике «Грамер», изданном в 1934 году на странице 50, в связи со страдательным залогом написано: «Если в предложении упоминается лицо, осуществ-

ляющее действие, то этот глагол называется действительным залогом, если не упоминается, то страдательным залогом. Например, когда говорим «Гасан прочитал книгу», то здесь известно, кто читает книгу. То есть в предложении упоминается Гасан. Поэтому такие глаголы называются действительным залогом. В предложении «Книга прочитана» никто не упоминается. Поэтому такие глаголы называются страдательным залогом».

В «Исследованиях по азербайджанскому языку, Баку, 1947 на странице 78» для пояснения страдательного залога приводятся в пример предложения «Сону отправили в Москву» и «Письмо отправлено в Москву» и в связи с этим написано: «Страдательный залог показывает «претерпевание» объектом какого-либо действия, обстоятельства, либо действие направлено на какое-либо лицо... Если объект действия, состояния является одушевленным, то задается вопрос «кто?», если является неодушевленным, то вопрос «что?»».

М. Гусейнзаде, говоря о страдательном залоге, отмечает: «Здесь, в основном, указывается на отношение между предметом (объектом), над которым совершено действие и глаголом; точнее, в связи с тем, что исполнитель (субъект – С. З.) неизвестен, объект заменяет субъект» [2, 179]. Неизвестно, на что опирается автор, делая такой вывод. Он сам отмечает: «Это не означает, что нет лица, исполняющего действие» (там же).

Значит, если даже в предложении субъект не проявляется, все равно есть лицо, выполняющее это действие.

Автор мог прийти к выводу о том, что в предложениях, где сказуемое выражено страдательным залогом, объект заменяет субъект (исполнителя), по двум причинам: автор считает, что в предложении слово в именительном падеже является только подлежащим. Так как в связи с этим он пишет: «Именительный падеж, в основном, является подлежащим предложения. Поэтому в некоторых дореволюционных книгах по грамматике его называли подлежащий падеж имени существительного» [2, 98].

Наверняка, в связи с тем, что в предложениях «Сону отправили в Москву» и «Письмо отправлено в Москву» слова Сона и письмо находятся в именительном падеже, автор не мог считать их другим членом предложения, и пришел к заключению, что эти слова могут являться в предложении только подлежащими». Но и это предположение невозможно считать правильным. И поэтому в учебнике, написанном еще в 1954 году, автор отмечал, что путаются слова в именительном падеже со словами, используемыми в винительном неопределенном падеже, и, критикуя это, писал: «Часто путают или же отождествляют имя существительное, используемое в именительном неопределенном падеже с именем существительным в винительном неопределенном падеже. Имена существительные, используемые в именительном неопределенном падеже, являются субъектом, а имена существительные, используемые в винительном неопределенном падеже – объектом предложения. Отличие между объектом и субъектом тождественно отличию между используемыми в той же форме падежами» (МАД, 1954, 101). Хотя автор видит сходство между словами, используемыми в именительном и винительном неопределенном падежах, он в конкретной форме отличает объект от субъекта. Но не понятно, почему в учебнике «Современный азербайджанский язык», изданном в 1972 году, в предложениях

«Двери закрылись» и «Зеленые поля растоптаны», он называет слова двери и поля субъектами предложения. И в предложении «Али закрыл двери», и в предложении «Двери закрылись», объектом, «претерпевающим» действие, являются двери. В обоих предложениях слово двери выражают субъект предложения. Оба предложения состоят из трех частей: 1. Из действия, выраженного словами закрыл и закрылись, объекта, выраженного словами двери и двери, субъекта, названного Али, выражающего имя человека, осуществляющего действие в первом предложении. Во втором предложении есть лицо – объект, закрывающий двери. Но имя этого лица – закрывающего двери, не выражено в предложении как субъект. Насколько правильно в предложениях, где не указывается имя исполнителя, слово означающее имя объекта, принимать за субъект?! Если «Действие, выраженное глаголом, должно быть в определенном отношении связано с субъектом или объектом» [3, 139], то по какому праву в предложениях, состоящих из слов, означающих только название объекта и действия, или слово – объект, отвечающий на вопрос «что?», в предложении мы называем подлежащим? Вопрос субъекта и объекта настолько четко интерпретируется в учебниках и книгах по грамматике, что невозможно понять, почему в написанных учебниках объект, участвующий в предложении, принимается за субъект.

Если для возникновения страдательного залога в таких предложениях так важны объект и субъект, то почему во втором предложении текста, представленного в связи с данной темой написано: «В глаголах такого рода, исполнитель действия меняет свое место в предложении с дополнением. Иными словами, исполнитель действия используется как грамматический объект (дополнение), а действительный объект – как грамматический субъект (подлежащее).

Значит, в предложениях со страдательным залогом возникает структура с двумя объектами и двумя субъектами» [4, 249]?!

Весьма удивительная логика. Ни чем не обосновывая, при наличии в предложении только одного объекта и одного субъекта и за счет того, что в предложении объект выражен именем существительным в именительном падеже, отмечается, что в предложении по два объекта и субъекта. В то же время отмечается, что «в связи с тем, что в страдательном залоге субъект пассивно участвует в исполнении действия, он не может проявиться. И поэтому субъект занимает его место и заменяет субъект».

Если участие субъекта в исполнении действия пассивно, то кто реально написал письмо?! Если предложение «Письмо написано» дать в форме «Письмо написано Али», подтверждается, что письмо действительно написал Али, тогда как может субъект исполнения действия – исполнитель действия быть пассивным. Проф. Булудхан Халилов также подтверждает существование субъекта при исполнении действия и в связи с этим пишет: «Страдательность нельзя понимать как отсутствие субъекта при исполнении действия, наоборот, при исполнении действия субъект существует» [5, 212]. Во-первых, автор, высказывающий такую реальную мысль, через два-три предложения отмечает: «В связи с тем, что в страдательном залоге ... субъект неизвестен, объект исполняет его роль, т. е. объект заменяет субъект».

Если упрощенно интерпретировать эти высказывания, то в предложении «Книги розданы», существует лицо (субъект), раздавшее книги, и он раздает книги. Это

логический вывод, вытекающий из мысли, высказанной в предложении (это действительно так) но при формальном отнесении исполняющего действие субъекта к подлежащему, он не вмещается в рамки вопроса что? При этом чтобы выйти из положения, мы весьма нелогично называем объект, вмещающийся в рамки вопроса подлежащего и отвечающего на него, субъектом предложения.

В предложении «Книги розданы» книга раздается, т. е. как указано, она – объект. В таком случае, если книга раздаваема, то почему мы принимаем ее в качестве раздающего книги?

В недавно изданном учебнике под авторством Г. Казымова, также не изменен традиционный подход к этому понятию. И в этом учебнике последовательно утверждается, что объект заменяет субъект. В связи с этим автор пишет: «Основная проблема страдательного залога заключается в его пассивности, т. е. в том, что субъект не может использоваться в предложении как активный субъект. Например: в предложении «Сарваром составлен новый проект здания» глагол «составлен» в страдательном залоге. Но исполнитель действия известен, действие исполнено Сарваром. Глагол находится в страдательном залоге вследствие того, что исполнитель действия – субъект (в нашем примере слово Сарваром) не проявляется как активный субъект, как подлежащее. Выступает в качестве косвенного дополнения» [6, 191].

Судя по последнему учебнику, можно сказать, что в книгах и учебниках по грамматике, изданных за прошедшие сто лет, интерпретации этого понятия весьма далеки от реальности. Грамматика каждого языка создается на основе присущих этому языку реальных языковых единиц и его особенностей. Мы можем пожертвовать реальностью, возникающей на основе фактов языка, во имя выполнения формальных регулировок, применяемых нами для различения определенных понятий грамматики друг от друга. Почему же в учебниках, издаваемых на протяжении многих лет, выражение «объект заменяет субъект» превратилось в итоговое заключение в связи с этой темой?! Не только в языковедении, но и во всех областях, форма должна быть основным выразителем содержания, высказываемая мысль должна превратиться в своего рода словесное выражение реальности.

Почему в языковедении всегда высказывается мысль, что в предложениях, где сказуемое выражено глаголом в страдательном залоге, «объект заменяет субъект». Наш последний и опирающийся на факты логический вывод заключается в том, что в таких предложениях слова и словосочетания, выражающие объект, используются нами для различения подлежащих от других членов предложения и отвечают на вопросы «кто?» и «что?». Мы не можем назвать объект дополнением потому, что не согласны с тем, что второстепенный член предложения, который мы называем дополнением, отвечает на вопросы «кто?» и «что?». Мы также не заметили того, что в многочисленных предложениях, используемых в нашем языке, слова, выражающие объект, отвечают на вопрос «что?» и даже «кто?». Но такие предложения в нашем языке использовались и используются поныне. Хотя наши языковеды сталкивались с такими фактами языка, но подходили к ним с другой позиции и не смогли сделать реальный вывод. Например, в учебнике «Современный азербайджанский язык», изданном в 1985 году, приведены такие примеры и указаны как совершенно другое грамматическое понятие. В учебнике написано: «Если в предложении сказуемым

являются глаголы в страдательном залоге (*passiv*) типа признан, предположен, считается, объявлен, то в таком предложении участвуют два подлежащих. Например, «Эта книга считается источником всех благодеяний, источником всех наук, сокровищницей добра и пользы, ключом мудрости» («Калила и Димна», 30) [7, 117].

Авторы, наряду со словом «книга», выступающим в роли подлежащего и отвечающим на вопрос «что?», считают подлежащим словосочетания «источник благодеяний», «источник наук», «сокровищница добра и пользы» и «ключ мудрости», так как они отвечают на вопрос «что?». Но принятие авторами всех слов и словосочетаний в указанном предложении, отвечающих на вопрос «что?» подлежащим, ничто кроме заблуждения. Так как если в предложении имеются два члена, отвечающих на один и тот же вопрос, и считающихся подлежащим, то они считаются однородными членами. Но в данном предложении очевидно, что слово «книга», отвечающая на вопрос «что?» и словосочетания, отвечающие на вопрос «что?» не выполняют одну и ту же функцию.

Вообще, в приведенном в пример предложении нет подлежащего, так как подлежащее должно состоять из субъекта предложения (не имеет разницы, логический ли это субъект или грамматический), но здесь не может идти речи о том, что слово «книга» является подлежащим данного предложения. Так как если дать это же предложение в форме «Вюсал считает книгу источником всех благодеяний, источником всех наук, сокровищницей добра и пользы, ключом мудрости», то увидим, что книга является не субъектом, а объектом. Можно привести сотни примеров в нашем языке, где используются различные, не являющиеся однородными дополнения.

Опять же в этом учебнике, говоря о дополнении, указывается: «Порою сказуемые, выраженные глаголами считать, предполагать, полагать и близкие к ним по смыслу глаголы признать, знать, называть требуют два косвенных дополнения» [7, 115]. Далее отмечается, что «Глагол “*təyin etnək*” («назначить») и используемый в этом смысле глагол “*qoumaq*” («ставить») требуют два объекта. Первый из них всегда является определенным прямым дополнением (объектом познания), а второй – неопределенным прямым дополнением, т. е. объектом предположения и частично сравнения. Например, “*Mən səni bu gündən dəstəyə başçı təyin edirəm*” («С сегодняшнего дня я назначаю тебя руководителем группы») [7, 115]. Если обратить внимание, то увидим, что хотя в этом предложении слово «тебя» отвечает на вопросы прямого дополнения, выражающего определенность, слово “*başçı*” «руководителем» не обладает особенностями неопределенного дополнения, т. е. в случае, когда к дополнениям, употребленным в предложении в винительном неопределенном падеже, можно прибавить окончания винительного падежа, в этом же предложении к слову “*başçı*” («руководителем») нельзя прибавить окончание винительного определенного падежа. Для того, что уточнить, что слово “*sərkərdə*” («руководителем») действительно находится в именительном падеже имени существительного, достаточно внести незначительное изменение в предложение. Например, “*Mən səni bu gündən dəstə başçısı təyin edirəm*” («С сегодняшнего дня я назначаю тебя руководителем группы») словосочетание «*dəstə başçısı*» (руководитель группы), используемое в

предложении в качестве дополнения, действительно находится в именительном падеже, что неопровержимо.

Два неоднородных слова в предложении, отвечающие в отдельности на вопросы именительного падежа имени существительного, лингвистами наречены по-разному.

Проф. Г. Казымов не оставил без внимания предложения такой структуры и по их поводу высказал мнение, отличающееся от мнения А. Г. Гасанова. Подход автора к данному вопросу отличается от подхода А. Гасанова, который в учебнике, изданном в 1985 году, называет два отдельных неоднородных члена предложения, отвечающих на вопросы именительного падежа имени существительного, двойным подлежащим. Г. Казымов, приводя в пример указанные в учебнике предложения, пришел к такому заключению, что отвечающие на вопросы именительного падежа имени существительного неоднородные слова (члены) в этих предложениях являются не двойным подлежащим, а одно из них является подлежащим, другое – частью употребленного в предложении сказуемого, которое нельзя назвать вторым подлежащим. Автор приводя в пример в связи с этим другие предложения из этого учебника: “Azərbaycan zəbt ediləndən sonra torpaqların və suvarma sularının çox hissəsi xilafətin mülkiyyəti elan olundu” («После захвата Азербайджана большая часть земель и оросительных вод, была объявлена собственностью халифата») и “Buğatay bütün qüvvələrə sərkərdə təyin olundu” («Бугатай назначен полководцем всех войск»), пишет: «Согласно высказанному мнению, в этих предложениях... слова “xilafətin mülkiyyəti” (v) («собственность халифата») “sərkərdə” («полководцем») являются вторым подлежащим..., а слова “elan olundu” (v) («объявлен»), “təyin olundu” («назначен») – сказуемым данных предложений. Хотя А. З. Абдуллаев оценивает эту мысль как нововведение, на самом деле, эти слова являются частью сказуемого и их нельзя отделять от сказуемого» [8].

Нам кажется, что в подходах авторов, чьи мысли указаны нами выше, есть не-реальность. И в подходе А. Г. Гасанова, называющего двойным подлежащим самостоятельные и неоднородные слова, отвечающие на один и тот же вопрос (почему то проф. Г. Казымов указал это мнение как мнение А. З. Абдуллаева), и в подходе Г. С. Казымова, называющего второе из двух слов, отвечающих на один и тот же вопрос, составной частью сказуемого в предложении, имеется незавершенность. Нельзя согласиться с мнением А. Г. Гасанова, который считает, что «Если глаголы в страдательном залоге (passiv) являются сказуемым предложения, то в этом предложении имеются два подлежащих». Так как в связи с тем, что сказуемые этих предложений выражены глаголами в страдательном залоге, здесь не может идти речи о подлежащем. Если в этом предложении употребляется двойное подлежащее, то эти предложения должны считаться предложениями с однородным подлежащим. Но невозможно говорить о наличии в этих предложениях однородных членов. Так как (к примеру, в предложении “Buğatay bütün qüvvələrə sərkərdə təyin olundu” («Бугатай назначен полководцем всех войск»)) слова “Buğatay” («Бугатай») и “sərkərdə” («полководцем»), считающиеся однородными подлежащими, по-разному связаны со сказуемым, в то же время одно из них отвечает на вопрос «кто?», а другое на вопрос «что?»

С мнением Г. С. Казымова, который называет частью сказуемого член предложения, названный А. Г. Гасановым подлежащим, нельзя согласиться потому, что слово “*sərkərdə*” («полководцем») нельзя употреблять со словосочетанием “*təyın olundu*” («назначен»), который в учебниках называется сложным, а порою составным глаголом. Так как согласно принятым правилам, в качестве сложного члена предложения могут выступать только адъективные словосочетания 2-го, 3-го, а иногда 1-го типа (в том числе субстантивные), инфинитив, отглагольное прилагательное, *feli bağlama tərkibləri*, фразеологические словосочетания и сложные глаголы, используемые со вспомогательными глаголами *elə, ol* (делай, будь), а также со сложными именами существительными, а сочетание “*Sərkərdə təyın olundu*” («Назначен полководцем») не соответствует какому-либо из этих языковых единиц.

О сложных глаголах написано: «Другая часть сложных глаголов образуется за счет прибавления к частям речи глаголов *делать, сделать, быть*» [9]. Если подойти с такой позиции, то сложный глагол “*təyın olundu*” («назначен») действительно является сказуемым предложения. Но в грамматике нет никаких оснований, ссылаясь на которые можно было бы присоединить слово “*sərkərdə*” («полководцем») к сложному глаголу “*təyın olundu*” («назначен») и считать его сложным сказуемым. Проявление в языковедении таких незавершенностей связано с тем, что непосредственно в нашем языке до сих пор правильно не оценена функция слов, используемых в именительном падеже и выступающих в роли дополнения. Так как до сегодняшнего дня именительный падеж ошибочно считался только падежом подлежащего, а когда пришло время сделать вывод о том, к какой части речи относятся слова, идущие рядом со сказуемым и используемые в именительном падеже, возникла путаница. И в связи с этим, слово, идущее рядом со сказуемым и отвечающее на вопрос «что?», считалось или 2-м подлежащим, или ошибочно включалось в состав сказуемого и считалось составной частью сложного подлежащего. В предложениях, где сказуемое выражено глаголом в страдательном залоге, субъект участвовать не может. То есть в нашем языке для выражения предложений, где не участвует субъект (подлежащее), сегодня есть множество глаголов, называемых страдательным залогом. Глагол не может быть страдательным. Основной функцией глагола является выражение действия, и он выполняет свою функцию. Страдательным, как говорится в грамматике, является исполнитель действия, а чтобы заполнить этот пробел в предложениях, где исполнитель является страдательным, используются только указанные глаголы.

Если в предложении не участвует подлежащее (субъект), то его сказуемое должно обязательно состоять из глаголов, называемых нами страдательным залогом, так как сказуемое таких предложений не может быть выражено в другой форме.

Действительность, принятая в грамматике, гласит: «Глаголы в страдательном залоге действием показывают отношение между объектом и субъектом» [10, 249]. В книге сравниваются предложения “*Əsmər kitabı oxudu*” («Асмар прочла книгу») и “*Kitab oxundu*” («Книга прочтена»), глаголы которых состоят из страдательных и действительных залогов. В первом предложении слово “*Əsmər*” – субъект, “*kitabı*” – объект, а “*oxudu*” – действительный залог, а в предложении “*Kitab oxundu*” («Книга прочтена») – “*kitab*” («книга») (грамматический субъект, логический объект), а

“oxundu” («прочтена») считается страдательным залогом. Не понятно, согласно какой логике логический объект (слово, претерпевающее действие) в предложении “Əsmər kitabı oxudu” («Асмар прочла книгу») – слово “kitab” («книга») превращается в грамматический субъект в предложении “Kitab oxundu” («Книга прочтена»)? Грамматический субъект может быть только в предложениях, где подлежащее выражено названиями одушевленных и неодушевленных предметов, кроме человека. В обоих предложениях “Əsmər kitabı oxudu” («Асмар прочла книгу») и “Kitab oxundu” («Книга прочтена») объектом, связанным с действием является книга, и объект, претерпевающий действие никогда не может выполнять функцию исполнителя действия, субъекта (иными словами, подлежащего) в предложениях, где сказуемое выражено глаголом в страдательном залоге, не реально высказывание о том, что объект заменяет субъект и для восстановления реальности следует признать тот факт, что только в предложениях, употребляемых в нашем языке, имеются дополнения, выраженные именительным падежом, что довольно широко используется нами. Например, слова “nümayəndə” («представитель») в предложении “Mən səni nümayəndə göndərirəm” («Я отправляю тебя представителем»); “gəmiçi” («моряк») – в предложении “Əli gəmiçi işləyir” («Али работает моряком»); “fəhlə” («рабочий») – в предложении “İbrahim tikintidə fəhlə işləyir” («Ибрагим работает рабочим на стройке»); “başçısı” («главой») – в предложении “Əli Səmədov icra başçısı təyin olundu” («Али Самедов назначен главой исполнительной власти»); “kitab” («книга») – в предложении “Əli kitab yazır” («Али пишет книгу») и словосочетание “xilafətin mülkiyyəti” («собственность халифата») – в предложении “Azərbaycan zəbt ediləndən sonra torpaqların və suvarma sularının çox hissəsi xilafətin mülkiyyəti elan olundu” («После захвата Азербайджана большая часть земель и оросительных вод, была объявлена собственностью халифата») в предложениях являются косвенным дополнением, выраженным в именительном падеже.

Вывод и перспектива. Как нельзя отвергать описанную нами объективную реальность и называть слово, отвечающее на вопрос именительного падежа в предложениях без грамматического субъекта, т. е. без подлежащего, где сказуемое выражено глаголом в страдательном залоге, подлежащим, так и ошибочно называть объект субъектом. Думаем, что эта тема актуальна для многих тюркских языков.

Литература:

1. Mirzəzadə Q. R. Rəhbəri-sərf / Q. R. Mirzəzadə, A. Axundov. – Bakı, 1918. – 138 p.
2. Гусейнзаде М. Г. Современный азербайджанский язык: Лексика, фонетика, морфология / Гусейнзаде М. Г. – Баку, 1954.
3. Грамматика азербайджанского языка. Часть I. – Баку, Издательство АН АзССР, 1960.
4. Современный азербайджанский язык. Морфология. – Т. II. – Баку: Научное издательство «Наука», 1980.
5. Халилов Б. Морфология современного азербайджанского языка: учебник для вузов / Халилов Булудхан. – Баку: Наука и образование, 2010.
6. Казымов Г. С. Современный азербайджанский язык. Морфология: учебник для вузов / Казымов Г. С. – Баку: Наука и образование, 2010.
7. Абдуллаев А. З. Современный азербайджанский язык. – Ч. IV: учебник для вузов / А. З. Абдуллаев, Ю. М. Сеидов, А. Г. Гасанов. – Баку: Издательство «Просвещение», 1985.
8. Г. С. Казымов. Современный азербайджанский язык. Синтаксис. учебник для вузов / Казымов Г. С. – Баку: Наука и образование, 2011.

9. ГКПС, Азербайджанский язык. – Баку, 2010.

10. Современный азербайджанский язык. Морфология. – Т. II. – Баку: Научное издательство «Наука», 1981.

Сардар Зейнал. Труднощі, що виникають у синтаксисі у зв'язку з називним відмінком / Сардар Зейнал // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 289–297.

У зв'язку з тим, що всі розділи мовознавства пов'язані один з одним, помилковість, допущена в одному з розділів, сприяє виникненню труднощів у інших розділах.

В результаті того, що по сьогоднішній день не уточнені межі участі називного відмінка у функціях різних членів речення, сьогодні, незважаючи на наявність доповнень, висловлених у називному відмінку, всіма мовознавцями ці приклади приймаються як підмет. У зв'язку з цим ми все ще утрудняємося в запобіганні плутанини, що виникає в нашій мові.

Ключові слова: називний відмінок, доповнення, підмет, пасивний стан, об'єкт, суб'єкт, знахідний невизначений відмінок, присудок.

Sardar Zeinal. Difficulties with the nominative case arising in syntax / Sardar Zeinal // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 289–297.

Because of connection of all grammar divisions with each other, a mistake permitted in expression of conceptions in one of these divisions, creates conditions for definite difficulties in other ones.

It is the result of clarification of the borders of acting of nominative case in the position of different sentence members hitherto, that in case of existence of complement expressed in nominative case in language facts at present, these patterns are accepted as subject by all linguists. Because of that we still have difficulties in elimination of confusions occurred in our language.

Key words: nominative case, complement, subject, indefinite verbs, object, subject, accusative case, predicate.

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.